

О ПРОЖИТОМ, ПЕРЕЖИТОМ

220х

В день ее недавнего юбилея писательницу Ирину Ивановну Ирошникову пригласили в ЦК ВЛКСМ и здесь в торжественной обстановке вручили знак «Трудовая доблесть» и Почетную грамоту, где, в частности, есть такие слова: «Герои Ваших книг активно служат делу коммунистического воспитания подрастающего поколения, прививают юношам и девушкам чувство любви к Родине, зовут к прекрасному и дерзновенному». И сегодня, когда я в гостях у писательницы, то прошу ее прокомментировать эти высокие комсомольские награды.

Началась война. С бригадой проектной организации, в которой я тогда работала, была направлена в Сибирь. На химический завод. Задача бригады — помочь заводу в кратчайший срок установить,пустить оборудование, прибывающее из оккупированных областей. Завод этот, выпускавший до войны минеральные удобрения, в войну давал в пересчете на боеприпасы... «Шестьдесят процентов того, что стреляло» — так тогда говорились.

...К сложнейшим, взрывоопасным, огнеопасным агрегатам встали необученные ребята. Но если бы только необученные! К тому же еще бездомные, бесприютные, познавшие тяжесть утрат. При-

битые к заводу военной волной. Поэтому и работа с ними вынужденно включала в себя в ту пору то, что, может, ей и не свойственно. Вот в такое время по рекомендации парткома завода я была утверждена комсоргом ЦК ВЛКСМ.

Это было очень сложно. Очень ответственно. И это, кроме всего прочего, был крутой перелом в моей собственной жизни. Но... Теперь мне кажется иногда: не случилось этого, не было бы и первой книги моей «Где-то в Сибири». Считаю, более того — убеждена, что путевку в литературу дал мне именно комсомол...

«Где-то в Сибири», «Чуждая высота», «Трудное лето», «Начало пути» — эти и другие произведения Ирины Ирошниковой связаны так или иначе с молодежью, адресованы молодежи. Потом была книга «Здравствуйте, пани Катерина!». Написанная на документальном материале, она словно бы вызвала: войны быть не должно!

Через несколько лет, словно бы в продолжение книги «Здравствуйте, пани Катерина!», вышла повесть «Эльжуня». Повесть подчеркнута документальна, дневникова, почти лишена авторских комментариев. И тем сильнее чувствуется внутренняя страсть автора, прорывающаяся сквозь спрессованные

подлинные свидетельства. Тем ощутимее ее боль, гнев, тем яростнее призыв бороться за мир на земле.

— Судя по вашим последним книгам, эта тема не отпускает вас...

— Беззащитность семьи, материнства, детства — всего, что составляет основу жизни, — перед лицом разноликого фашизма, войны необъятна, неисчерпаема. Пепел погибших детей стучит, будет стучать в сердца человеческие, лишая нас покоя. В книгах «Здравствуйте, пани Катерина!» и «Эльжуня» я лишь прикоснулась к этой теме...

Буду ли я еще писать об этом? Буду. Как и что именно — пока не знаю... Давно уже вышли обе книги, а письма от читателей все идут и идут. Идут из нашей страны. Из Чехословакии, из Польши, где, к слову, трижды переводилась и переиздавалась «Здравствуйте, пани Катерина!».

— Мне хочется вновь вернуться к вашим первым книгам — с годами вы отошли от заводской темы...

— Отчего же? Напротив, я храню ей верность. Но вот что вывилось со временем. Та первая, неумелая, непритязательная, хоть и принесшая автору неожиданный успех книга — я говорю о повести «Где-то в Сибири», — была лишь роб-

ким, отдаленным приближением к материалу.

Шли годы. Многие из моей повседневной жизни ложилось, откладывалось словно бы в копилку. Я не знала еще, какой будет новая книга, вплоть до самой последней главы. Но твердо знала одно: это будет своеобразным продолжением первой книги, только на новом уже витке жизни. И естественно, что в персональный замысел неожиданно для автора врывались не предвиденные им судьбы, события, ситуации.

Первый временной пласт повествования: война, эвакуация. Глубокий тыл. Работающий на оборону завод — все прожитое, пережитое...казалось, что это легко переплавить в страницы рукописи. Другой пласт времени — в нем судьбы героев прослежены до наших дней — требовал от автора усилий много толка. Развитие одной из сюжетных линий вновь привело меня на сибирский завод — прообраз того, что в повести. А попав туда, автор оказался в центре событий, связанных с крутым переломом в судьбе самого завода. Событий, связанных с поисками нового производственного профиля. Ситуация увлекала своей новизной, остротой, в чем-то драматизмом.

...Рукопись закончена. Сдана в издательство «Советский писатель» и ожидает своего часа.

Интервью провела
И. САНИНА.

14 ОКТ 1982